

Лебедев Дмитрий Валерьевич, Лебедева Галина Викторовна

ПАМЯТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: О РОЛИ МЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Авторы данной статьи исследуют культурные практики воспоминания и забвения, которые связаны с конструированием идентичности в современном обществе. Память не может мыслиться вне идентичности как основного принципа в процессе репрезентации прошлого как отдельного человека, так и общества в целом. Наличие в современной культуре мемориальных практик, которые связаны с конструированием персонального автобиографического проекта, подтверждает общую идею статьи об ускользающей от окончательной определенности идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 112-115. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Авторы данной статьи исследуют культурные практики воспоминания и забвения, которые связаны с конструированием идентичности в современном обществе. Память не может мыслиться вне идентичности как основного принципа в процессе репрезентации прошлого как отдельного человека, так и общества в целом. Наличие в современной культуре мемориальных практик, которые связаны с конструированием персонального автобиографического проекта, подтверждает общую идею статьи об ускользающей от окончательной определенности идентичности.

Ключевые слова и фразы: память; феномен; культура; общество; память как культурный феномен; культурная практика; практики воспоминания и забвения; идентичность; автобиографический проект.

Дмитрий Валерьевич Лебедев, к. филос. н.

Кафедра философии и социологии

Уральская государственная юридическая академия

ldv001@usla.ru

Галина Викторовна Лебедева, к. филос. н.

Кафедра этики, эстетики, теории и истории культуры

Уральский федеральный университет

ldv001@usla.ru

ПАМЯТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: О РОЛИ МЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ[©]

Общество XXI века характеризуется усложнением социокультурных связей и отношений, появлением новых технических средств коммуникации, которые значительно сократили время передачи информации и позволили снять пространственно-временные границы взаимодействия: Интернет, сотовая связь и т.д. Это способствовало расширению, по терминологии Э. Гуссерля, жизненного мира индивида до размеров целой планеты.

Развитие информационных технологий приводит к увеличению форм культурной репрезентации, предлагаемых индивиду обществом, а значит, и способов обретения идентичности. Претерпевают изменения не только знания индивида о самом себе, но и представления фундаментальной науки об окружающем мире, которые обнаруживают свою зависимость от культуры и общества, в которых они генерируются. Множественность форм репрезентации знания, информации указывает на «избыточный» характер памяти: мы живем в «мемориальную эпоху страстного, придирчивого, почти навязчивого воспоминания» [1, с. 395]. Восстановить смысл прошлого, опираясь на традицию, на прошлый опыт, уже невозможно. Но остаться без понимания прошлого – значит потерять свою идентичность. Этот парадокс как нельзя лучше описывает современные идентичности, которые из завершенного образования становятся ускользающими, обретаемыми и вновь утрачиваемыми. В этих условиях конструирование идентичности становится точечным, почти ювелирным делом. Отсутствует массовая тотализация в определении идентичности, она этиализируется. Таким образом, отличительные особенности практик конструирования идентичности в современной культуре (по сравнению, например, с архаичной) проявляются в пространстве индивидуальных биографических проектов.

Общеизвестен прием, с помощью которого может создаваться целостный образ человека, конструироваться его идентичность, – обращение к воспоминаниям. Еще Дж. Локк в трактате «Опыт о человеческом разумении» писал: «Насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем, какое у него было сначала... настолько оно и есть одна и та же личность» [4, с. 388-389]. Таким образом, память, наши воспоминания являются своеобразным критерием идентичности. Но сознание или память (память – «сознание, направленное назад») всегда прерываются забывчивостью. Когда мы теряем из виду наше прошлое «Я», то возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом или нет. Таким образом, с точки зрения Дж. Локка, человек ощущает себя одной и той же личностью, прежде всего, благодаря воспоминаниям.

Но отношение к материалу воспоминаний может быть разным. Можно опираться на следующее представление: с помощью логичных рассуждений, анализа фактов выстроить прошлое. Воспоминание о прошлом в этом случае будет идентично самому прошлому. Гарант подобной прямой соотнесенности прошлого и воспоминания о нем – сам разум. Но разум не надежен, и малейшие сбои в психике могут привести человека к состоянию «одержимости воспоминаниями», разрушающими его идентичность и душевное здоровье. По свидетельствам Александра Афродийского и Михаила Эфесского, в «Метеорологике» Аристотель упоминает о человеке, которого преследовали и сводили с ума «ожившие воспоминания», поскольку тот был не в состоянии восстановить временную цепь событий своей жизни, полагаясь на образы прошлых ощущений: «Когда он шел, ему казалось, будто перед ним все время идет обращенный к нему призрак... Зрительный

луч из-за болезни был настолько слаб и вконец обессилен, что даже окружающий воздух становился для него зеркалом, и он не мог его отодвинуть» [5, с. 42]. По словам комментаторов, несмотря на естественную причину появления призрака, сам Антиферонт (герой притчи) считал его своим ожившим воспоминанием. Начиная с античности, «одержимость памятью» и собственными воспоминаниями станет для европейской культуры, по мнению Ф. А. Йейтс, лейтмотивом всего дальнейшего развития.

Другой вариант отношения к воспоминаниям: через признание того, что получаемые картины прошлого не идентичны самому прошлому. Мы нередко прибегаем к домысливаниям, достраиванию пробелов памяти, «переигрываем» свои жизненные истории. В этом случае следует удерживать себя от желания логического реконструирования прошлого, следует просто отдаться потоку воспоминаний. В последнем случае человек предстает в качестве «художника» или «творца» собственных воспоминаний, а память – в качестве искусства или «*ars memorativa*». В большей степени, конечно, это относится к ситуациям неоднозначным, травмирующим, сложным. Потому что те моменты, которые мы помним, это моменты исключительной важности, даже если ничего значительного, на первый взгляд, там и не происходит.

Такой способ путешествия в прошлое называют изменением личной истории или «ретроактивной проработкой» (С. Жижек). Оно может быть весьма результативным, если действительно решается какая-то проблема, актуальная в настоящем. То, что мы помним, – это и есть наша жизнь, и она вполне может быть предметом творческой деятельности. Каждый человек, реализуя свой автобиографический проект, создает собственную историю, переконструируя весь предшествующий опыт. Тем не менее, по мнению Леви-Строса, мудрость человека состоит в знании, «что его столь полная и интенсивная жизнь – это миф, который возникнет у людей будущего столетия, а перед ним самим, возможно, предстанет как таковой несколько лет спустя и вовсе не проявится для людей будущего тысячелетия» [3, с. 315]. Именно поэтому можно утверждать, что память предпочтительней рассматривать в динамическом, постоянно меняющемся состоянии.

Мы сами постоянно заняты толкованием нашей собственной жизни. Как показал Анри Бергсон, память – это многократно повторяющийся акт интерпретации. Вспоминая прошлое сегодня, мы реконструируем его в соответствии с нашими нынешними представлениями о том, что важно, а что неважно, а это означает лишь одно: «здоровый смысл вводит нас в заблуждение, заставляя думать, будто прошлое неизменно, неподвижно и постоянно в противоположность вечно меняющемуся потоку настоящего» [1, с. 58-59]. Напротив, по крайней мере, в нашем сознании прошлое податливо и текуче, поскольку наша память постоянно перетолковывает и дает все новые объяснения уже случившемуся.

Способность «быть всегда другим», деловая гибкость, социальная мобильность, как и мобильность географическая, – это примеры развитого индивидуального забывания, востребованного современной культурой. Как отмечает П. Бергер, люди, которые перемещаются физически, регулярно меняют представления о себе, даже в результате простой смены места жительства. Любое переосмысление связывается с эмоциональным разрывом с прошлым: «То, что некогда служило предметом гордости, теперь стыдно вспоминается как малозначительный эпизод собственной “предыстории”» [Там же, с. 59]. Такие эпизоды могут вытесняться из памяти, если они противоречат тому образу, которому хочется соответствовать в настоящее время. Чаще всего процесс переосмысления затрагивает лишь небольшую часть жизни и происходит, в лучшем случае, полусознательно. Прошлое исправляется там, где этого требуют обстоятельства, а то, что не противоречит актуальному «Я-образу», остается неприкосновенным. Эти постоянные модификации и исправления редко складываются в четко определенное единое целое.

Таким образом, изменение содержания практик воспоминания и забвения связывается с определяющими тот или иной тип культуры особенностями, трансформациями в положении человека, форм коммуникации, информационных технологий. Скорее, речь должна идти о взаимосвязи практики «*ars memorativa*» и представлений о мироустройстве. В традиционном обществе человек рассматривался в пределах превосходящего его порядка или «господствующего означающего»: Космоса (Античность), Бога (христианское Средневековье), Абсолютного Разума (эпоха Просвещения). Он был лишен автономности и права на производство смысла. В рамках христианской парадигмы активность человека распространялась лишь на область внутреннего мира. В Новое время – на возможность управлять своими страстями при помощи разума. В эпоху Просвещения память человека-гения становится подобием «универсальной мнемь», осколком «сверхпамяти универсума» [8, с. 30]. Указанные социокультурные особенности весьма органично связываются с характеристикой «*ars memorativa*» как практики, приближающей к совершенной памяти и борющейся с забвением.

Современная ситуация показала, что мир, «которым живет человек», произведен им самим. Именно поэтому человеческие усилия направляются на внешний мир, на изменение условий своей жизни, своего биографического проекта. Как писал Д. Бурстин, до конца XIX века «только Бог мог видеть движущиеся тени умерших и слышать их голоса. Теперь все это может делать человек» [2, с. 46]. Смысл «*ars memorativa*» меняется. Она включается в повседневную жизнь, растворяясь в различных ее сферах, переставая быть только «интеллектуальным упражнением» для избранных лиц.

Конструирование личной истории, формы и способы обретения социокультурной идентичности, рассматриваемые в контексте «*ars memorativa*», связаны с выделением памятных мест, наделением их смыслом. У представителя архаической культуры нет биографии в привычном смысле этого слова (как последовательности жизненных событий), а есть некая цепочка «памятных мест», мнемических знаков, вписанных в тело и определяющих его как представителя определенного сообщества. Биография человека традиционного общества чаще всего представляет собой память семьи или рода, а не отдельного индивида. Семейная

память удерживала историю как минимум трех-четырёх поколений, то есть не менее ста лет. Она тесно связана с образом «древа жизни», к которому восходит известная идея генеалогического дерева. Необходимо отметить, что такой тип памяти был определяющим в сословном устройстве общества, где происхождение являлось доминирующей характеристикой социального устройства.

Серьезные изменения произошли только к XVI-XVII вв. С одной стороны, постепенно теряла устойчивость сословная структура общества, возрастала социальная мобильность. С другой – «память семьи утверждалась не с помощью автоматического копирования... а как результат сознательных усилий, предпринимаемых одним поколением ради другого» [7, с. 590].

Усиление интереса к своему индивидуальному прошлому характерно для сознания людей Нового времени. Главную роль здесь играли, безусловно, рост грамотности и ее постепенное распространение среди широких слоев населения. Появляется практика ведения ежедневных записей, дневников, составления собственных жизнеописаний, мемуаров. Типичная практика для Нового времени – биографические справочники. Более того, повсеместное распространение сведений о прошлом того или иного человека, часто поощряемое им самим, приводит к формированию пространства «публичной памяти». Если раньше прижизненных биографий удостоивались лишь царствующие особы, то с наступлением Нового времени этот процесс начинает демократизироваться, а с конца XIX – начала XX века он приобретает по-настоящему массовый характер. Постепенное увеличение количества документов, анкет, биографий, свидетельств и т.д., начавшееся в XIX веке и достигшее апогея в наши дни, – все это, несомненно, способствовало формированию более структурированной, «дисциплинированной» памяти на индивидуальном уровне. Этот переворот в области мировоззрения привел к тому, что сам человек, с его нуждами и повседневными заботами, стал вызывать исследовательский интерес.

Интерес к индивидуальному автобиографическому проекту в условиях современности переориентирует направленность практик воспоминания и забывания, конструирующих наши представления о собственном «Я» и его множественных проявлениях. Поскольку универсального образца поведения и «проживания жизни» не существует, а существуют различные способы взаимодействия, которые опосредованы личным опытом (памятью), то в пространстве культуры мы также сталкиваемся с подобной множественностью и плюрализмом в отношении памятных мест, описываемых в контексте биографии (конструирование жизненного цикла времени), Родины (конструирование жизненного пространства), коллективной истории и т.д.

В XXI веке обращение к проблемам памяти становится предметом философской рефлексии именно в силу своей особой значимости для самоидентификации как человека, так и общества в целом. Более того, исследователи впервые начинают говорить не столько о контроле, сколько о различных способах манипуляции памятью: от принудительного запоминания основополагающих для общей (коллективной, национальной) идентичности событий до переписывания официальных текстов по истории страны. Вальтер Беньямин в работе «Берлинская хроника», обращаясь к собственной биографии, представляет ее в качестве ментального пространства «значимых мест» и «образов»: «Уже давно, годами, я развлекаюсь тем, что пытаюсь разметить сферу моей жизни – Bios – графически, на карте. Сначала мне представлялась обычная карта, но сегодня я более склоняюсь к некоему плану Генштаба... Развернувший однажды веер воспоминаний обнаруживает все новые и новые сегменты; ни один образ его не удовлетворяет, ибо всякий из них можно развернуть и дальше; между тем искомым – тот образ, вкус, то прикосновение, во имя которого все и разворачивалось, – кроется лишь в сгибах; воспоминание переходит от малого к мельчайшему, от мельчайшего к микроскопическому, а то, что оно встречает на своем пути в этом микрокосмосе, обретает все большую силу» [6, с. 123]. В. Беньямин, воссоздавая образ своего прошлого «Я», движется по местам памяти, собирая их в единое пространство посредством воспоминания: этот путь припоминания напоминает «ars memorativa» / мнемотехнику античного ратора, выбирающего определенные места и создающего в уме образы тех вещей и событий, которые необходимо было запомнить.

Память больше не является гарантом постоянства нашего «Я». Она процессуальна и изменчива. Именно поэтому мы можем говорить об ускользающей и множественной идентичности. Нет универсальных образца и способов обретения идентичности. Она проявляется в своей уникальности в индивидуальных биографических проектах. Она «не насаждается» и «не прививается» сверху, а вырастает из повседневного опыта каждого из нас.

Список литературы

1. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. 168 с.
2. Бурстин Д. Американцы: в 3-х т. М., 1993. Т. 3. 560 с.
3. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль. М., 1994. 348 с.
4. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М., 1985. Т. 1. 621 с.
5. Месяц С. В. Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании» // Вопросы философии. 2004. № 7.
6. Павлов Е. Шок памяти: автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М., 2005. 224 с.
7. Память о войне 60 лет назад: Россия, Германия, Европа. М., 2005. 784 с.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997. 800 с.
9. Стародубцева Л. Память гения и лета безумства // Человек. 2001. № 3.

**MEMORY AS SOCIAL-CULTURAL PHENOMENON:
MEMORATIVE PRACTICES ROLE IN IDENTITY CONSTRUCTION PROCESS**

Dmitrii Valer'evich Lebedev, Ph. D. in Philosophy
*Department of Philosophy and Sociology
Ural State Law Academy
ldv001@usla.ru*

Galina Viktorovna Lebedeva, Ph. D. in Philosophy
*Department of Ethics, Aesthetics, Culture Theory and History
Ural Federal University
ldv001@usla.ru*

The authors study recollection and oblivion cultural practices which are associated with identity construction in modern society. Memory cannot be conceived outside identity as the basic principle of the representation of the past of both an individual and society as a whole. The presence of memorial practices in modern culture which are associated with personal autobiographical project construction confirms the general idea of this article about identity escaping from definitive certainty.

Key words and phrases: memory; phenomenon; culture; society; memory as cultural phenomenon; cultural practice; recollection and oblivion practices; identity; autobiographical project.

УДК 94(47).081/083

В статье рассматривается формирование кадров земской статистики. Основное внимание акцентируется на общественно-политической деятельности земских статистиков, которые являлись активными участниками общественно-политической жизни страны. Автор приходит к выводу, что, поступив на земскую службу, они отказались от своих прежних революционных устремлений.

Ключевые слова и фразы: губерния; Департамент полиции; земские служащие; политическая благонадёжность; статистические работы; «третий элемент» земства.

Сергей Владимирович Лёвин, к.и.н.

Кафедра истории

*Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
Serg.Lewin@yandex.ru*

ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ – «ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ» ЗЕМСТВА[©]

Деятельность земства невозможно представить без так называемого «третьего элемента» – нанимаемых губернскими земскими управами на земскую службу специалистов: врачей, учителей, статистиков. Последние составляли численно небольшую, но выделявшуюся своей сплочённостью и высоким профессиональным уровнем категорию земских служащих. Их появление было вызвано хозяйственной потребностью земства, прежде всего, необходимостью определения оснований для налогообложения крестьянских общинных и частных земельных угодий. Кроме этой первостепенной задачи, перед земской статистикой стояли и другие, важные для хозяйственной деятельности земства, задачи, а именно: изучить экономическое положение крестьянского хозяйства, являвшегося главной производительной силой страны, выяснить степень продовольственного обеспечения крестьянского населения каждой губернии с целью оказания своевременной продовольственной помощи в случае возможного неурожая, определить примерные размеры бюджета крестьянских семей для формирования более эффективной бюджетной политики земств. «Для производства статистических работ среди самих земских гласных, за весьма немногими исключениями, сил не нашлось, и в этом случае, как при организации земской медицины, при учреждении земских учительских школ и т.п. начинаниях, пришлось обратиться к лицам, до того времени стоявшим в стороне от земства, и так называемые земские статистики вошли в состав лиц, работающих на земском поприще не по выбору, а по приглашению в качестве “специалистов”, и которых в последнее время окрестили названием “третьего элемента” в земстве. Этот третий элемент, состоящий из наёмных людей, сыграл в земстве, да и продолжает играть в нём немаловажную роль: под крылом земства он, можно сказать, создал земскую медицину, земскую школу, земскую статистику», – писал земский статистик Д. И. Рихтер [27, с. 320]. «Раз возникла потребность в местных статистических исследованиях, никто не мог обойтись без услуг статистиков из “третьего элемента”», – резюмировал его коллега А. А. Кауфман [14, с. 272-273].

Первые статистические отделы (бюро) при губернских земских управах стали появляться в первой половине 1870-х годов и к середине 1880-х годов существовали уже в 19 земских губерниях: Бессарабской, Вятской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Московской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Уфимской, Херсонской